

Никодимово евангелие привлекло Аввакума, по-видимому, не только более подробным рассказом о крестной смерти Христа, но и тем, что отдельные детали его повествования могли быть почти полностью соотнесены с обстоятельствами борьбы старообрядцев. Кроме традиционных для Аввакума образов Анны и Каиафы, иудейских первосвященников, и «Пилата-игемона», осмыслявшихся и ранее Аввакумом лишь в сопоставлении с современными ему церковными и «градскими» властями, в Никодимовом евангелии выступали «курсор», напоминавший о «стрельцах-горюнах», сочувствовавших своим заключенным, и жена Пилата, просьбы которой легко ассоциировались с заступничеством царицы Марии Ильиничны.

Эта аллегория была тем более очевидна, что в отличие от «Жития», где Аввакум называл Пилатом воеводу Ивана Елагина, вершившего на Мезени и в Пустозерске в 1670 г. жестокие казни, в «Беседе» он называет так самого царя Алексея Михайловича.

При сопоставлении некоторых отрывков «Беседы» с аналогичными местами «Жития» обнаруживается эволюция взглядов Аввакума на роль царя Алексея Михайловича. В «Беседе» Аввакум полемизирует со своей собственной оценкой царя, данной в «Житии». В отличие от «Жития», где, рассказывая о царской просьбе молиться за него,¹³ Аввакум кротко извещал: «И я по нем всегда плачу, жаль мне силно ево»,¹⁴ — в «Беседе» он зло высмеивает эту просьбу: «А после чистова и непорочнова и в сылку осудил, потом жива и в яму закопал! А друзей и детей чистова и непорочнова вешай да секи! А сам говорит: „Чист есмь аз. Не от меня ему пришло“» (л. 109 об.).

Этот текст «Беседы» свидетельствует о сдвиге, который произошел в эти годы в сознании Аввакума, убедившегося в двойственности политики Алексея Михайловича, и является яркой параллелью к челобитной Аввакума царю Федору Алексеевичу, где Аввакум бесстрашно вещал о том, что царь Алексей Михайлович находится в аду.

Интересно отметить, что не только евангельские события ассоциировались у Аввакума с репрессиями господствующей церкви и государства против старообрядцев, но и наоборот, его воспоминания о пережитом служили источником различных образов в его пересказе евангельского сюжета. Так, Аввакум сообщает, что Анна и Каиафа «по дворам своим волочили... надежду нашего, света Христа... Да много ночью тою возни той было у них» (л. 107—107 об.). В Никодимовом евангелии нет упоминания о том, что Христа «волочили» по дворам Анны и Каиафы. Зато в «Житии» Аввакума неоднократно рассказывается, как его «волочили» духовные власти. И Аввакум сам подтверждает это сопоставление: «Такие же были, как и Никон нынешней с товарищи, блудодей!» (л. 107 об.).

Специфику этой «Беседы» Аввакума составляют обильные заимствования из других его сочинений: из второй беседы, из послания «рабом Христовым», из послания Маремьяне Федоровне и др. Причем соединение отрывков в ряде случаев сделано очень искусно, они переработаны, дополнены новыми текстами. Все это позволяет видеть в «Беседе» произведение самого Аввакума.

По-видимому, эта своеобразная авторская компиляция объясняется особой целевой установкой этого сочинения, ее особым адресом. Создание

¹³ См. «Житие»: «Протопоп, ведаю, де, я твое чистое и непорочное и богоподражательное житие, прошу, де, твоево благословения и с царицею и с чады, помолися о нас» (РИБ, т. 39, стлб. 60—61).

¹⁴ РИБ, т. 39, стлб. 61, ср. стлб. 129, 209.